

SONYA ROFFE

Любовь
КОТОРАЯ
УБИВАЕТ

«Счастье, выстроенное на чужих исчезновениях.
И вопрос, который она боялась задать:
не станет ли она следующей?»

Sonya Roffe

Любовь которая убивает

«Автор»

2026

Roffe S.

Любовь которая убивает / S. Roffe — «Автор», 2026

Роскошные ужины, экзотические пляжи, главные роли в фильмах самого известного режиссёра страны — Вика будто вытянула билет в жизнь мечты. Но у этой сказки есть тёмная изнанка: чтобы всё это иметь, ей приходится делить Диму с его женой. Он клянётся, что скоро всё изменится, и Вика верит каждому его слову до тех пор, пока не находит в кабинете Димы старую газету с заметкой о смерти его бывшей любовницы. Сухие строки, фотография, дата — и внезапное понимание: это не случайность. Погружаясь в прошлое Димы, Вика обнаруживает всё больше тревожных деталей, а безупречная и пугающе спокойная жена Димы, Таня, будто знает куда больше, чем говорит. Постепенно Вика осознаёт: женщины, которые были близки к Диме, исчезают из его жизни слишком странным образом. И теперь вопрос не в том, любит ли он её, а в том, останется ли она жива. Ей предстоит выяснить, кто здесь настоящий хищник — и не стать его следующей жертвой.

© Roffe S., 2026

© Автор, 2026

Sonya Roffe

Любовь которая убивает

Пролог

Пролог

Петербург в тот вечер будто затаил дыхание. Тяжёлые тучи нависли над городом, а огни Невского казались не праздничными, а какими-то тревожными — будто кто-то рассыпал по улицам осколки чужого, недоброго света. Ветер гнал по мостовой обрывки газет, стучал в окна, словно хотел докричаться до тех, кто уже перестал прислушиваться к предупреждениям. В воздухе висела сырость — она пробиралась под кожу и заставляла невольно ёжиться, даже если ты стоишь в дорогом, отлично отапливаемом доме.

Вика стояла в кабинете Димы. Тут всё было строгим: тёмное дерево, строгая кожа кресел, стеллажи с книгами, которые, похоже, никто никогда не открывал. В воздухе пахло дорогим парфюмом и той самой холодной уверенностью — так пахнет у человека, который привык, что всё идёт по его плану. Раньше этот запах манил Вику, а сейчас вдруг стал казаться удушающим — будто вокруг неё медленно сгустился тяжёлый, плотный дым.

В руке она по-прежнему сжимала вырезку из старой газеты. Пальцы дрожали, но Вика не выпускала её, будто эта пожелтевшая полоска бумаги была её единственным якорем в стремительно уносившем её течении. Сухие строчки впивались в сознание, как иголки: дата, имя, короткая фраза про «трагическое происшествие». Фотография была размытой, лицо почти стёрлось, но глаза будто смотрели прямо в душу. Вика пыталась убедить себя, что это просто случайность, старое дело, чья-то чужая беда. Но внутри всё сжималось от мысли, что случайностей тут не бывает.

Она вообще не должна была сюда заходить. Кабинет был территорией Димы, его крепостью: даже домашние стучались, прежде чем войти. Но сегодня дверь оказалась чуть приоткрыта — ровно настолько, чтобы любопытство, смешанное с тревогой, потянуло её внутрь. Сначала Вика просто хотела найти папку с билетами на завтрашний рейс: Дима обещал, что они улетят туда, где не будет ни звонков, ни совещаний, ни его жены. Потом взгляд зацепился за стопку бумаг на краю стола, за конверт с полустёртым штампом, за фото в нижнем ящике — на нём Дима стоял рядом с женщиной, чьего лица Вика раньше никогда не видела. А потом попала газета. Старая, пожелтевшая, спрятанная между папками так, будто её не хотели видеть под рукой, но и прятать по-настоящему не стали.

Именно эта небрежность пугала больше всего. Не тайник, не сейф, не запёртый ящик, а просто «между томами», «под папкой», «на нижней полке». Так прячут то, к чему рано или поздно придётся вернуться.

Вдруг послышались шаги. Они становились ближе — уверенные, неторопливые. Ещё минуту назад они казались Вике признаком надёжности, а теперь звучали как отсчёт последних секунд. Она метнулась к полке, сунула вырезку между книгами, провела ладонью по корешкам, стараясь вернуть всё на место и сделать вид, что ничего не трогала. Но пальцы предательски дрожали, а в висках стучало так громко, что, казалось, этот стук слышит весь дом.

Дверь распахнулась. Дима замер на пороге — в пальто, с каплями дождя на плечах. На секунду в его взгляде мелькнуло что-то незнакомое: не раздражение и не усталость, а мгновенный, острый холод, будто перед ним стояла не любимая женщина, а угроза. А потом маска вернулась: лёгкая улыбка и привычное «Ты что тут делаешь?», сказанное так, словно это был самый обычный вопрос, а не начало чего-то опасного. В этом плавном переходе от холода к улыбке было что-то пугающе отточенное — будто он репетировал его сотни раз.

Из дальнего угла гостиной, из полумрака, за ними наблюдала Татьяна. Она не вошла, не окликнула, не нарушила сцену ни единым словом. Просто сидела прямая и неподвижная, будто вырезанная из гранита. Её глаза, холодные и внимательные, скользили по Вике, по полке, по едва заметной неровности на корешках книг. В этом взгляде читалось: «Я всё вижу. И я жду».

В этот миг Вика поняла: она не просто нашла старую заметку. Она открыла дверь в лабиринт, где каждый поворот может стать последним. И теперь вопрос был не в том, любит ли её Дима. Вопрос был в том, позволит ли он ей уйти отсюда живой — и знает ли он сам, что уже не контролирует эту игру.

Но самое страшное Вика заметила только сейчас. Её взгляд скользнул по столу — и зацепился за ещё один пожелтевший листок, такой же, как тот, что она спрятала между книгами. Только на нём была другая дата. Другое имя. Другая история. И все они, похоже, были частью одной бесконечной, смертельно опасной цепочки.

Прежде чем Дима успел сделать шаг вперёд, прежде чем Таня хоть чуть-чуть шевельнулась в своём каменном кресле, Вика поняла: это не случайная находка. Это приглашение. Или предупреждение. И теперь, когда она его приняла, обратного пути уже не будет.